

## Г.А. Островатикова

Томский государственный педагогический университет

### Поэтика *дома* в повести Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика Шкид»

*Аннотация:* В статье исследуется тенденция циклизации на материале повести Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика Шкид» (1927).

The cyclization tendency in «The ShkID Republic» by G. Belykh and L. Panteleev (1927) is explored.

*Ключевые слова:* цикл, циклизация, монтаж, фрагмент, композиция, Г. Белых, Л. Пантелеев, «Республика Шкид».

Cycle, cyclization, montage, fragment, contexture, G. Belykh, L. Panteleev, «The ShkID Republic».

УДК: 821.161.1

*Контактная информация:* Томск, Киевская, 60. ТГПУ, филологический факультет. Тел. (3822) 446826. E-mail: ostr-galina@yandex.ru.

Тема семьи в русской культуре и литературе теснейшим образом связана с темой и топосом родного дома-гнезда. Через традиционные образы дома, семьи (архетипу дома посвящены работы Ю. Лотмана [2004], Т. Цивьян [1978], В. Щукина [1990], Ю. Степанова [2004]) часто реализуется тематический комплекс корней, истоков, начала жизненного пути героя, объясняются особенности его личности [Головчинер, 2005]. Семья и дом выступают как микрокосмос, особый мир человека, ребенка, в котором рядом родные – старшие и младшие – защитники и требующие защиты. Дом в этом случае предстает «своим», обжитым, защищенным и защищающим пространством. В нем действуют *свои* – хорошо известные правила поведения, нормы общения и общежития.

В 1850–60-е гг. были написаны классические произведения этого ряда: «Детские годы Багрова-внука» С. Аксакова, автобиографическая трилогия Л. Толстого, в ту же пору появились и «Очерки бурсы» Н. Помяловского, где дом можно воспринимать только как строение, а следование гласным и негласным нормам жизни калечило воспитанников духовно, нравственно, физически [Островатикова, 2009].

Е. Ткачева в статье «Семантика *дома* в маргинальном пространстве», посвященной исследованию субкультуры осужденных, близкой по сути и к бурсацкой, отмечает важный для последующих размышлений аспект. Она говорит о том, что в традиционной культуре группа признаков, маркирующая свое-чужое пространство (антиномия свое-чужое) является традиционной для реализации образа дома), включает функциональные характеристики, представленные «феноменом связи определенного места с человеком, что воплощается не только в контексте бытовой освоенности пространства, но и в эмоциональном контакте с данным местом» (курсив мой – О.Г.) [Ткачева, 2010, с. 31].

Особую актуальность образы дома и семьи обретают в советской литературе 1920–30-х гг. По сравнению с литературой XIX в. они отходят на второй план,

отстают перед изображением военных путей-дорог как движения «самых масс», дела – строительства важных государственных объектов.

В связи с этим современные исследователи [Разувалова, 2004] отмечают существование в русской прозе 1920–30-х гг. двух разных тенденций. В произведениях «традиционной» прозы («Окаянные дни» И. Бунина, «Солнце мертвых» И. Шмелева, в «Белой гвардии» М. Булгакова, «Тихом Доне» М. Шолохова, «Сивцевом Вражке» М. Осоргина и др.) актуализирован образ гибнущего, разрушающегося дома-гнезда. В центре произведений другого ряда представлены образы большого, открытого пространства. На это указывают уже названия произведений: «Партизанские повести» Вс. Иванова, «Падение Даира» А. Мальшикина, «Железный поток» А. Серафимовича, «Города и годы» К. Федина, «Ветер» и «Сорок первый» Б. Лавренева, «Конармия» И. Бабеля, «Разгром» А. Фадеева и т.д. Если пространство в последних и сужается, то до завода, клуба, дома-коммуны, словом, тех помещений, способ общего существования в которых был антитезой дома-гнезда, семейного очага [Разувалова, 2004].

Появляются произведения, местом действия которых становятся нового типа школы, учебные заведения, интернаты, колонии, в которых собраны герои, по разным причинам утратившие семью.

Первая повесть Г. Белых и Л. Пантелеева «Республика Шкид», вышедшая в 1927 году, по своей тематике примыкает к ряду произведений о сложных путях и судьбах юного поколения. Большая их часть повествует об этапах беспризорной жизни подростков («Правонарушители» Л. Сейфуллиной, «Ташкент – город хлебный» А. Неверова, «Рассказы беспризорников о себе» А. Гринберг, рассказы А. Кожевникова). Г. Белых и Л. Пантелеев показывают иной период жизни своих героев, они пишут о детях и подростках, лишившихся дома и семьи в условиях отгремевшей первой мировой и гражданской войнах, о тех, кто оказался в пространстве казенного дома – школы им. Достоевского для трудновоспитуемых (Шкид).

«Республика Шкид» начинается как повествование очеркового типа с авторской информации о восстановлении разрушенных за годы революции и гражданской войны учреждений, в которые определяли детей-беспризорников. В начале первой главы здание, предназначенное для школы, предстает как место, непригодное для жилья: «Ветер и дождь попеременно лизали каменные стены опустевшего училища, выкрашенные в чахоточный серо-желтоватый цвет. Холод проник в здание и вместе с сыростью и плесенью расплзался по притихшим классам, оседая на партах каплями застывшей воды» [Белых, Пантелеев, 1981, с. 14]. Но уже в 3 абзаце на первой странице сообщается, как еще персонифицированное государство обустроивает перед прибытием воспитанников здание будущей школы, как «оживает», восстанавливается запущенное помещение бывшего коммерческого училища, как подвозят подводы с дровами, чтобы отогреть помещение. Уже это задает для будущих воспитанников перспективу иной жизни, нежели была уготована беспризорникам, оставшимся без попечения семьи.

Отремонтированное, отогретое здание Шкиды наполняется жизнью с прибытием первой партии необузданных ребят. В «новорожденной» школе царит «невообразимый беспорядок»: для прибывших из *разных* мест беспризорников еще не существует правил поведения в условиях *обще-жизния*. Но измученные улицей они уже чувствуют *тепло*, пока не столько дома, сколько помещения.

Первое, что собирает, «сближает» ребят – печка, возле которой шкидцы делятся своими воспоминаниями и мыслями. Очаг, традиционно являющийся сакральным центром дома, своим теплом сближает ребят с первых дней их жизни в Шкиде.

С появлением первых шкидцев государственная власть персонифицируется в образе директора школы Викниксора. Жизнь Шкиды задумана им по модели

страны-государства. Не случайно Шкида в конечном счете названа *республикой*. Первое название повести – «Королевство Шкид» тоже связано с формой государственного устройства. Слова «королевство» и «республика» в названии задают восприятие происходящего в повести в контексте поиска новых форм общей жизни, устроенной по модели государства.

В повести показан процесс превращения Шкиды в особый *дом, дом-государство*. Этот процесс внешним образом начинается с введения Викниксором герба с изображением подсолнуха и гимна школы. В школе вводятся система самоуправления, выборы старост отделений. Под влиянием Викниксора в Шкиде начинают складываться определенные нормы отношений, возведенные в правила поведения, определяется распорядок дня, проявляется забота педагогов о досуге учеников – всего того, что помогает шкидцам почувствовать себя защищенными.

Шкида объединяет две важных функции: место обучения / перевоспитания и одновременно жизни воспитанников в замкнутом, отгороженном от внешнего мира пространстве. Но процесс становления Шкиды показан не глазами воспитателя (как это позже будет в «Педагогической поэме» А. Макаренко), а глазами воспитанников, с их позиций. Авторы сами только что закончили Шкиду, и в повести выразили свои еще свежие переживания, изложили события с позиций их участников, при этом показали процесс внутреннего изменения не только отдельных, явно автобиографических лиц, но и большой группы из тех, кого собрала школа. И если в начале повести акцентируются официальное назначение и обозначение Шкиды – «детский дом», «школа для дефективных», то по ходу событий развивается образ Шкиды как дома, гнезда, хотя и не в привычном его понимании. Последние коннотации широко проявляются в авторском тексте. Собранным из разных мест, с разными личными историями воспитанникам Шкиды начинает казаться «родной и близкой», впервые она обозначена как «дружная шкидская семья». Тем самым пространство Шкиды начинает маркироваться в авторском тексте как «свое», «одомашненное». Как семья, гнездо новое сообщество проявляется и в распределении ролей. Викниксор выступает не только в роли директора – формального представителя власти в школе, но почти сразу и в роли старшего, наставника, отца, что неоднократно фиксируют авторы: Викниксор «мягко, по-отечески заговорил» [Белых, Пантелеев, 1981, с. 22], к ученикам он обращается «ребята», «дети». Он всегда находится в центре группы, рядом со шкидцами и даже в чем-то похож на них внешне: одет также бедно, как его ученики.

Еще важнее проявление отцовских качеств Викниксора в остро драматических, ситуациях. Первое «серьезное дело» в истории школы – кража учениками табака из кладовой заканчивается «неожиданно». После разоблачения ученики с тяжелым сердцем ждут наказания, но педагоги после долгого совещания решают не наказывать их за этот проступок. Эмоциональный шок, пережитый в момент объявления результатов педсовета, чувство благодарности к учителям за заботу, смешанные с осознанием низости своего проступка, и настоящим раскаянием создают первый, хотя и краткий, момент единения воспитанников и учителей: «Ребята облепили заведующего, сразу ставшего таким хорошим, *похожим на отца*. А он стоял, улыбался, гладил рукой склоненные головы. <...> В порыве он (Гришка – Г.О.) задрал голову и еще более умилился. Викниксор – гроза шкидцев, Викниксор – строгий заведующий школой – тоже плакал, как и он, Янкель, шкидец...» [Белых, Пантелеев, 1981, с. 43]. Здесь важен переход от общего впечатления, переданного собирательным существительным *ребята*, множественным числом глаголов, к индивидуальному, яркому в переживании момента Янкелем. У большинства воспитанников, впервые получивших вместо наказания прощение, медленно, но начинают ломаться установки, заложенные улицей.

Каждый срыв, кажущийся отступлением назад, становится для шкидцев пусть небольшим, но шагом вперед, накапливает основания для взаимопонимания

сторон. В подобных ситуациях Викниксор выступает в функциях отца из евангельской притчи о блудном сыне. Истории многих шкидцев, представленные в их воспоминаниях, начинаются с добровольного ухода из родного отеческого дома, иногда даже резкого разрыва с ним. Опустившиеся на самое «дно жизни», ставшие малолетними бандитами, они начинают возвращаться к нормальной жизни только в Шкиде. Важной на этом пути оказывается заложенная притчей о блудном сыне возможность прощения «отцом» за проступок, возможность начать жизнь заново. Повесть трансформирует историю о «блудном сыне» в главной ее части: возвращения после испытаний домой.

Однако, покинув родной дом, герои «Шкиды» возвращаются уже не в отеческий, а в *другой*, необычный, но ставший своим дом, и что характерно для новой культуры *общий дом, к другому* отцу, образ которого воплощен в Викниксоре.

Мотив тепла, заданный с первых страниц повести как внешнее тепло печки, трансформируется в нарастающее доверие, взаимопонимание, в тепло отношений шкидцев между собой, в доброе отношение большинства педагогов к воспитанникам и воспитанников к ним.

В финале повести собирающиеся оставить школу воспитанники осознают себя птенцами, покидающими родное *гнездо*. Название предпоследней главы – «Птенцы оперяются» – усиливает тему и образ дома-гнезда. Финальный образ гнезда соотносится с заданным в одной из начальных глав повести образом подсолнуха, изображенным на шкидском гербе.

Эти образы соотносятся не только визуально (оба имеют форму круга), но и связаны с семантикой тепла. Тепло солнца – условие роста подсолнуха, тепло родительского гнезда – птенцов. Гнездо как место взросления характеризуется недолгим пребыванием в нем, интенсивным периодом роста и обучения птенцов, после чего они покидают его навсегда. Воспитанники, находившиеся в Шкиде два-три года, сделали за это время огромный шаг в своем не только физическом, но и в нравственном и интеллектуальном развитии, что называется, «стали на крыло»: тепло, измеряемое в градусах, и тепло человеческих отношений готовит шкидцев к «полету», к дальнейшей жизни. Перед окончанием школы они выбирают профессии, твердо уверены в будущем. Шкида соединяет основные функции дома и гнезда – *питает, воспитывает*, дает ученикам жизненные силы, *учит* жить по-человечески, преодолевая соблазны «блудного» существования.

Если в начале повести воспитатели настойчиво вводят в сознание учеников понятие *республики* как способа организации жизни, то с течением времени, насыщенного событиями, преодолением кризисных ситуаций, в речах, текстах писем самих шкидцев (документальное письмо Цыгана, приведенное Белых и Пантелеевым в повести полностью) все отчетливее нарастает ощущение Шкиды как *дома-гнезда*.

Тем самым «Республика Шкид» тематически примыкает к произведениям советской прозы 1920–30-х гг., в которых на первом плане оказываются не образы традиционного дома, семьи, защищающие подрастающее поколение от негативных воздействий внешнего мира, а новые формы и возможности общежития, которые были вынужденной антитезой семьи, но в каких-то важных моментах выполняли ее функции, объединяли в одном пространстве не по кровному родству, но по условиям существования, по духу и общей устремленности к целям.

### Литература

Белых Г., Пантелеев Л. Республика Шкид. М., 1981.

Головчинер В.Е. «Что такое счастье, каждый понимал по-своему». К 100-летию А. Гайдара // Вестн. ТГПУ. Сер.: Гуманитарные науки (филология). 2005. № 6 (50). С. 5–9.

Лотман Ю.М. Дом в «Мастере и Маргарите» // Лотман Ю.М. Семиосфера.

Статьи. Исследования. Заметки. СПб., 2000. С. 314–320.

Островатикова Г.А. Дом и бездомье в «Очерках бурсы» Н.Г. Помяловского // Вестн. ТГПУ. 2009. № 4 (82). С. 139–142.

Разувалова А.И. Образ дома в русской прозе 1920-х годов: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2004.

Степанов Ю.С. Дом, уют // Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. М., 2004. С. 826–831.

Ткачева Е.П. Семантика *дома* в маргинальном пространстве (на материале культуры осужденных) // Коды русской классики: «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код: материалы III Международной научно-практической конференции (Самара 19–20 ноября 2009): В 2 ч. // Отв. редактор Г.Ю. Карпенко. - Самара, 2010. Ч. 1. С. 29–35.

Цивьян Т.А. Дом в фольклорной модели мира // Семиотика культуры. Труды по знаковым проблемам. Тарту, 1978. № 10. Вып. 463. С. 65–76.

Щукин В.Г. Дом и кров в славянофильской концепции. Культурологические заметки // Вопросы философии. 1990. № 1. С. 135–146.